

УДК 347.12

DOI: 10.46987/0103122021_70

М. И. Вицьева*M. I. Vitsieva***САМОЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ****SELF-DEFENSE OF CIVIL RIGHTS:
QUESTIONS OF THEORY**

Аннотация. Самозащита гражданских прав традиционно рассматривается как вспомогательный механизм обеспечения частноправовой автономии. Актуальность исследования связана с необходимостью уточнения пределов допустимых действий управомоченного лица и определения критериев соразмерности, которые обеспечивают баланс между частным интересом и публичным порядком.

Abstract. Self-defense of civil rights is traditionally considered as an auxiliary mechanism for ensuring private law autonomy. The relevance of the study is related to the need to clarify the limits of permissible actions of an authorized person and to determine the criteria of proportionality that ensure a balance between private interest and public order.

Ключевые слова: самозащита, гражданские права, нарушение гражданских прав, способы самозащиты.

Keywords: self-defense, civil rights, violation of civil rights, ways of self-defense.

Факт нормативного признания самозащиты отражён в статье 14 ГК РФ, однако закон ограничивается общей формулировкой, допускающей применение мер самозащиты, не выходящих за пределы необходимых. Это объясняется стремлением законодателя сохранить гибкость механизма и исключить его чрезмерную формализацию.

Вместе с тем отсутствие детальной регламентации усложняет определение границ допустимого поведения, поскольку субъекты самостоятельно оценивают необходимость и соразмерность мер. Из этого вытекает необходимость теоретической разработки универсальных критериев, позволяющих определить правомерность действий управомоченного лица.

С теоретической точки зрения самозащита представляет собой юридическое средство, при котором субъект самостоятельно обеспечивает восстановление нарушенного права без обращения к государственным органам. Такая модель опирается на идею автономии воли и допускает использование фактических действий, направленных на пресечение правонарушения. Примером является удержание вещи кредитором в соответствии со статьёй 359 ГК РФ. Этот пример демонстрирует, что самозащита может быть институционализированной, когда закон прямо указывает на возможность применения определённой меры, а также общей, когда закон допускает более свободное усмотрение лица [2, с. 143].

Анализ общей теоретической конструкции показывает, что самозащита выполняет двойную функцию. С одной стороны, она позволяет оперативно пресечь нарушение и предотвратить дальнейший ущерб. С другой стороны, она служит сдерживающим фактором для потенциальных нарушителей, поскольку создаёт угрозу непосредственного сопротивления. Однако эта двойственность порождает риск злоупотреблений, если субъекты, прикрываясь самозащитой, выходят за пределы допустимого. Поэтому ключевым элементом теории является определение критериев необходимости. В доктрине преобладает подход, согласно которому необходимость предполагает отсутствие возможности использовать более мягкие средства защиты и наличие угрозы непосредственного нарушения. Это объясняет, почему самозащита ограничивается ситуациями, когда обращение в суд или к органам власти объективно затруднено или неэффективно.

Значимым является и критерий соразмерности. Он предполагает, что мера самозащиты должна соответствовать характеру и степени угрозы. Например, удержание вещи допустимо, если оно направлено на обеспечение исполнения обязательства и не причиняет несоразмерного вреда другой стороне. Применение мер, которые существенно превышают последствия нарушения, выходит за пределы самозащиты и может квалифицироваться как противоправное деяние [1, с. 22].

В контексте теории важно учитывать природу самостоятельных действий управомоченного лица. Самозащита отличима от самоуправства, ответственность за которое установлена уголовным и административным законодательством. Основное различие заключается в том, что самозащита направлена на восстановление нарушенного права, тогда как самоуправство связано с самовольным осуществлением мнимого права. Этот факт подчёркивает необходимость чёткого определения оснований, на которых субъект применяет самозащитные меры. Если мера основана на реально существующем субъективном праве и направлена на его восстановление, то она находится в правовом поле. Если такого основания нет, действия становятся противоправными. Ясность содержания субъективного права является ключевым фактором правомерности самозащиты [3, с. 16].

Важным направлением теоретического анализа является исследование пределов допустимых фактических действий. Действующее законодательство допускает применение силы, но ограничивает её рамками необходимой обороны и крайней необходимости, которые регулируются нормами уголовного права. Однако в гражданско-правовой сфере применение силы в целях самозащиты допускается только тогда, когда это необходимо для пресечения нарушения, и при этом должно соответствовать принципу минимизации вреда. Например, собственник может блокировать доступ к своей вещи лицу, пытающемуся её незаконно изъять, но не вправе причинять ему вред, превышающий рамки разумной необходимости. Это демонстрирует взаимосвязь института самозащиты с общими принципами частноправового регулирования.

В современных условиях особое значение приобретает самозащита в цифровой среде. Электронные сервисы, облачные хранилища, цифровые активы создают новые формы нарушений, которые трудно пресечь с помощью традиционных механизмов. Например, блокировка доступа к электронному ресурсу, осуществляемая администратором при нарушении условий пользования, фактически является формой самозащиты, направленной на

предотвращение ущерба. Однако теоретическое осмысление таких мер остаётся недостаточным. Применение общих критериев необходимости и соразмерности требует адаптации к цифровому контексту, что усложняет задачу правоприменителей. Дальнейшее развитие теории самозащиты должно учитывать трансформацию способов нарушения гражданских прав в условиях цифровизации.

Особое внимание заслуживает соотношение самозащиты и судебной защиты. Исследование теоретических аспектов самозащиты гражданских прав позволяет сделать вывод о её значении как гибкого и необходимого инструмента частноправового регулирования. Самозащита обеспечивает оперативное восстановление нарушенных прав и снижает зависимость участников оборота от длительных процедур судебной защиты. Однако эффективность института зависит от чёткости критериев правомерности, среди которых ключевыми являются необходимость и соразмерность. Уточнение пределов самозащиты особенно важно в условиях цифровой трансформации, когда количество ситуаций, требующих оперативного реагирования, неизбежно увеличивается. Совершенствование теоретической модели позволит укрепить правовую определённость и повысить эффективность защиты гражданских прав.

Список литературы

1. *Барышников М.Ю.* Самозащита как главное средство обеспечения законных интересов в гражданском праве. Источник: научный электронный журнал «Теория права и межгосударственных отношений». – 2022. – Том I, № 4 (24). – С. 21-25. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://science-pravo.ru/wp-content/vypuski/> (дата обращения: 01.07.2025).
2. Гражданское право России. Общая часть / Под общ. редакцией А.Я. Рыженкова. 6-е издание, переработанное и дополненное. – М.: «Юрайт», 2026.
3. *Данилов Д.В., Минасян Р.А.* Проблема применения института самозащиты гражданских прав // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». – 2020. – Том V, № 4. – С. 15-19. DOI: 10.47475/2618-8236-2020-15402.

© Вициева М.И., 2026

